

Литературный талант
и добрый юмор Чемберс
творяют чудеса: из мелких
деталей она создает полное
жизни полотно,
что под силу только самым
опытным писателям.
NEW YORK TIMES

Клэр Чемберс Робкие создания

роман

18+

CoRPUS

Клэр Чемберс
Робкие создания

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Чемберс К.

Робкие создания / К. Чемберс — «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-168198-2

Лондонский пригород Кройдон, 1964 год. Хелен Хэнсфорд не замужем, ей за тридцать. К большому разочарованию своих родителей из среднего класса, она работает арт-терапевтом в психиатрической больнице Уэстбери-Парк и заводит бурный роман со своим коллегой Гилом, энергичным, но женатым врачом. Однажды весенним днем им поступает из полиции сигнал. В викторианском доме в нескольких милях от города обнаружен 37-летний мужчина по имени Уильям Таппинг, с бородой до пояса. Он не разговаривает. В этом доме он живет со своей престарелой теткой, которую везут в больницу, где она вскоре умирает. Никто не знает, почему Уильяма десятилетиями держали взаперти и его никогда не видел никто из соседей. Хелен начинает заниматься с Уильямом и понимает, что он не только в здравом уме, но и талантливый художник. Однако, по мере того как она пытается разгадать загадку этого странного человека, ее собственная тщательно выстроенная жизнь рушится, открывая перед ней новые горизонты.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-168198-2

© Чемберс К., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

1	6
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Клэр Чемберс

Робкие создания

Посвящается Питеру

Clare Chambers
Shy Creatures

Перевод с английского
Анастасии Куприной

Copyright © Clare Chambers 2024

© А. Куприна, перевод на русский язык, 2026

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026

© ООО «Издательство Аст», 2026

Издательство CORPUS ®

1

1964 год

Во всех несостоявшихся отношениях есть момент, на который сперва никто не обращает внимания, но задним числом становится ясно, что именно с него начался разлад. Для Хелен таким моментом стали те выходные, когда в Уэстбери-Парке появился Неизвестный.

Это была пятница. Она готовила кабинет арт-терапии для своей любимой группы – мужчин-алкоголиков, – как вдруг в дверном проеме показалось лицо Гила. Убедившись, что Хелен одна, он вошел, сел на край стола и принялся наблюдать за тем, как она раскладывает бумагу, карандаши, угольные карандаши и краски. Мольберты стояли полукругом перед натюрмортом: плетеное кресло, задрапированное бархатной тканью, рядом столик, на нем – ваза с тюльпанами, кувшин молока и миска с яйцами. Двери в небольшие боковые комнаты, где располагались пациенты, предпочитавшие уединение, были приоткрыты. Перед тем как заговорить, Гил бросил в их сторону вопросительный взгляд, и Хелен ободряюще кивнула.

– Кэт с детьми уезжают на выходные в Дил.

– Неужели? – Она привыкла не питать раньше времени ложных надежд к подобного рода оптимистичным заявлениям.

Гил кивнул:

– Ее крестница только что родила, и завтра она поедет к ней, чтобы... Ну, знаешь, чем обычно занимаются женщины в таких случаях. Так что...

Он смотрел на нее тем прожигающим взглядом, каким бессознательно одаривал не только женщин всех возрастов, в том числе своих пациенток, но зачастую и пациентов. Работая с Гилом, Хелен давно заметила эту особенность, но ей нравилось думать, что его взгляд становится более интенсивным, когда направлен на нее.

– Можешь переночевать у меня, – предложила она. Несмотря на то, что они уже три года были любовниками и он подыскал ей квартиру и даже оплачивал аренду, имея в виду как раз такую возможность, воспользоваться ею им удалось всего-то с полдюжины раз.

– Только если ты не против.

– Пожалуй, нет. Если пообещаешь не слишком мне досаждать.

Их голоса разносились по всему кабинету, но Хелен продолжала спокойно раскладывать материалы для предстоящего занятия. Войди сейчас кто-нибудь в комнату, он не смог бы уличить их в нарушении профессиональной этики. На заре отношений, когда из-за страсти они вели себя более безрассудно, художественная мастерская и прилегающие к ней помещения часто использовались не по назначению. Сейчас они проявляли гораздо больше осторожности, а может быть, страсть притупилась. Никто из коллег, от главврача до санитаров, даже не подозревал об их связи, и даже если Хелен случалось в присутствии Гила покраснеть или улыбнуться не как обычно, никто не удивлялся – все знали, как его обаяние действует на женщин.

– Тогда я приеду завтра после обеда. Машину берет Кэт, так что мне, полагаю, придется идти пешком.

Это были мысли вслух, а не просьба подвезти. У Хелен не было машины – только подержанный скутер, на котором она каждый день преодолевала четыре мили от дома в Южном Кройдоне, где снимала квартиру, до Уэстбери-Парка.

– Хорошо, тогда я приготовлю что-нибудь вкусненькое. А сейчас тебе лучше уйти – через пару минут появятся пациенты.

Гил кивнул и провел рукой по густым и темным, лишь слегка тронутым сединой волосам. Благодаря то ли игре природы, то ли привычке регулярно посещать парикмахерскую, они

всегда были одной и той же небрежной длины – чуть ниже воротника, – но никогда не длиннее или неожиданно короче.

– Люблю тебя, – шепнул он и вышел. Звук шагов гулко отдавался по длинному коридору.

Хелен настроила радио на третью программу Би-би-си. Тихая классическая музыка, умиротворяющая, а не будоражащая, идеально годилась для создания атмосферы спокойствия и сосредоточенности.

Кабинет арт-терапии был самым уютным во всей клинике из-за приятных мелочей, добавленных Хелен. Под потолком слегка покачивались пестрые декоративные подвески; стены, помимо репродукций с полотен великих художников, украшали картины бывших и нынешних пациентов Уэстбери-Парка, повсюду были расставлены вазы с сухоцветами, на диванах лежали подушки с разноцветными принтами. Здесь царили гармония и порядок, и в том была ее заслуга.

Хелен надела белый халат, такой же как у других врачей, разве что запачканный краской и угольной пылью. Алкоголики вошли в кабинет стайкой – как всегда, – чтобы не сталкиваться с искусством в одиночку. Ее пациенты совершенно не умели рисовать, ни карандашом, ни красками, и что-то подсказывало Хелен, что изначально они записывались на занятия в надежде поглазеть на голую натурщицу. Кувшин молока и яйца, конечно, служили тому плохой заменой, зато позволяли хоть на время отвлечься от коварного омута собственных мыслей. Это была чуть ли не единственная отдушина в многочасовой групповой психотерапии, что наряду с инъекциями дисульфирама составляло основу лечения. В художественной мастерской не заставляли размышлять о природе зависимости и рассказывать обо всех невзгодах, приведших их на дно. Вместо этого пациенты, не скупясь на похвалу, добродушно смеялись над неуклюжими потугами – как других, так и собственными, – изобразить нечто похожее на предложенную натуру.

Задача Хелен, как ей четко объяснили на собеседовании, заключалась в том, чтобы предоставить пациентам материалы и пространство для творчества, поощряя в них свободу самовыражения. Поучать, ставить диагнозы, заниматься психоанализом и вторгаться в работу профессионалов с медицинским образованием, таких как Гил, строго запрещалось. Но в этот день ей с трудом удавалось сосредоточиться на своих обязанностях, даже таких простых, – из головы не шли предстоящие выходные. Хелен не сказала Гилу об одном обстоятельстве, которое могло поставить под вопрос их совместные планы.

Три недели назад Клайв, брат Хелен, и его жена пригласили ее на субботний семейный ужин, и она согласилась. Их дочери исполнилось 16 лет, и Хелен отметила эту важную дату в своем ежедневнике, хотя помнила ее и так. Она обожала Лорейн, свою племянницу, – нескладную и неуверенную в себе девочку-подростка – да и Клайва в принципе тоже. Правда, его жену Джун она скорее терпела. Клайв позвонил ей в начале недели, проявив не свойственную ему заботу, и предложил добраться вместе с родителями, которые могли бы забрать ее по дороге. Хелен отказалась – отец отвратительно водил машину и постоянно злился за рулем (и не только), – но пообещала приехать. Теперь ей предстояло как-то выкручиваться. Вот так всегда: Гил сообщает о своих планах в последнюю минуту, а она якобы всегда свободна! Придется сказать больно, причем очень серьезно, – какие еще могут быть оправдания?

От одной мысли о неизбежном вранье у нее закрутило в животе и к горлу подступила тошнота – эти неприятные ощущения постоянно сопровождали ее в размышлениях о моральных дилеммах. Может быть, когда она доберется до телефона и сделает необходимый звонок, ей уже будет так плохо, что и врать не придется. Второй вариант – следовать первоначальной договоренности и отказаться от возможности приятно провести время с Гилом – даже не приходил ей в голову.

Хелен отвлеклась от беспокойных мыслей, когда Роланд, один из самых старательных пациентов, жестом подозвал ее к себе. Он приступил к наброску, забыв обдумать композицию:

вазу, кувшин и миску нужно было расположить на разных планах, как они стояли на столе, а на его рисунке те же объекты, изображенные строго в ряд на одинаковом расстоянии друг от друга, как будто повисли в воздухе. Яйца, крошечные сплюснутые камешки, свободно парили над перевернутым полукругом – двухмерной миской. Так мог нарисовать шестилетний ребенок, вот только Роланд резал в мастерской металл на токарном станке, умел починить любой двигатель и с легкостью выстукивал на пианино в пабе любую мелодию.

– Ни капли не похоже! – воскликнул он, качая головой. – Почему у меня ничего не выходит?

– По-моему, у вас отлично получается, – заверила его Хелен. – В искусстве нет понятий “правильно” и “неправильно”.

– Но я хочу с этим разобраться! Иначе зачем я здесь?

На секунду Хелен показалось, будто речь идет не о рисунке, а о зависимости. Если бы Роланд вылез из-за кулисы, вряд ли его волновало бы, справляется ли он с рисованием тюльпанов и кувшинов молока.

– Если вам трудно дается композиция, попробуйте сосредоточиться на изображении одного объекта.

– Можно мне начать сначала?

– Конечно! – ответила она, быстро сняв рисунок с мольберта, прежде чем Роланд успел его скомкать. – Только давайте и этот оставим, я положу его в вашу папку.

Хелен скрупулезно собирала работы своих пациентов и хранила их даже после выписки. Таким образом она не только выказывала уважение к их стараниям, но и имела при себе доказательства ценности терапии. Наставник в клинике, где она работала на добровольных началах, часто повторял: “Пациенты не обязаны создавать произведения искусства, не надо делать из них художников. Им нужно сосредоточиться на выздоровлении. В этом им помогает сам творческий процесс – живопись или лепка. Из чего не следует, что результаты их труда не достойны уважения”. К слову сказать, Гил впервые обратил внимание на Хелен, когда три года назад она, только недавно получившая место в Уэстбери-Парке, с жаром отстаивала эту позицию в споре. Хелен была в таком восторге от новой работы, что подолгу задерживалась после смены: отмывала кисти и палитры, точила карандаши, протирала столы, приводила в порядок кабинет, готовя его к следующему дню. Однажды вечером она сполоснула кружку от остатков кофе и решила отнести ее в комнату, расположенную в дальнем крыле, где сотрудники могли между сменами приготовить себе чашку кофе или чая или сыграть в карты. Открыв дверь, она увидела трех санитарок, занятых плетением коврика.

Они пришли до начала вечерней смены и наслаждались последними драгоценными минутами отдыха, перед тем как разойтись по палатам. Когда Хелен вошла, санитарки мельком взглянули на нее, по внешнему виду определили, что она не врач, а значит, не стоит и секунды потраченного на приветствие времени, молча отвернулись и продолжили болтать между собой.

Хелен на мгновение улыбнулась: ее позабавил тот факт, что персонал клиники выбрал для расслабления один из самых популярных видов трудотерапии. Как это трогательно, все-таки все мы люди... Умиление вмиг улетучилось, когда она вдруг поняла, что санитарки не плетут, а наоборот, расплетают ковер, выдергивая пряди шерсти металлическими крючками и бросая их в пакет на полу.

– Что вы делаете? – спросила Хелен, не скрывая в голосе негодования.

Троица синхронно вздернула головы. Крепкого телосложения женщина с туго завитыми кудрями ответила за всех:

– Расплетаем этот дурацкий ковер, чтобы завтра его заново сплели.

Две другие беззлобно рассмеялись, но Хелен все равно покорило:

– Но почему?!

Хелен обещала себе не высовываться. Ей, новенькой, было важно вписаться в коллектив, завести друзей и всеми силами избегать конфликтов. И вот она сама его создает.

– На них шерсти не напасешься! И потом – куда нам все эти поделки девать? Бросьте, им все равно.

Хелен не нужно было уточнять, кому это “им”.

– Кто вам дал такое распоряжение?

– Да мы всегда так делаем, – ответила вторая санитарка, но уже не так уверенно. – Только шерсть зря переводят.

– Ясно. – Хелен вздохнула. В неписаной, но неизменной больничной иерархии санитарки стояли ниже ее, поэтому глупо было ругать их за то, что они делают свою работу. Этот вопрос нужно решать на уровне выше. – Можно, я заберу? – спросила она, указав на пакет с клочками шерсти. – Верну, обещаю.

Троица кивнула, насмешливо улыбаясь. Хелен знала, что, стоит ей выйти, и санитарки тут же начнут перемывать ей кости.

Бродя по коридорам и раздумывая, с кем бы поделиться своим разочарованием, Хелен набрела на кабинет доктора Раддена. На тот момент их еще не представили друг другу официально, но она видела его на собрании персонала – вместе с главврачом, психотерапевтами, соцработниками, медсестрами, трудо- и физиотерапевтами. Доктор Радден привлек ее внимание, потому что оказался самым симпатичным мужчиной в комнате – не то чтобы в области медицины существовала в этом отношении острая конкуренция, – хотя большую часть времени он сидел с опущенной головой, записывая что-то в блокноте или рисуя на полях.

Хелен собрала волю в кулак и постучалась: робеть уже поздно, нужно довести дело до конца. За дверью раздался голос: “Войдите”.

Доктор Радден сидел за столом в углу кабинета спиной к стене и вполоборота к высоким окнам, за которыми виднелись зеленые лужайки и бродившие по ним в лучах закатного солнца пациенты. В переполненной пепельнице тлела сигарета; струйка дыма вилась вверх и вливалась в целое облако под потолком. На стене висела репродукция “Спящей Титании” Ричарда Дадда – Хелен сразу узнала эту картину и в других обстоятельствах не упустила бы возможности высказаться по этому поводу.

Доктор снял ногу с подоконника и встал.

– Здравствуйте? – слегка удивленно сказал он и радушно улыбнулся.

– Меня зовут Хелен Хансфорд.

– Рад знакомству, Хелен Хансфорд. Вы новый арт-терапевт, верно? Чем я могу вам помочь?

Приятный, успокаивающий голос – но Хелен не хотела успокаиваться, по крайней мере пока.

– Честно признаться, я немного в ярости, – сказала она, демонстрируя пакет с шерстью. – Я увидела, как санитарки расплетают ковер, сделанный пациентами на трудотерапии, чтобы завтра они заново его сплели. Вам что-нибудь об этом известно? – спросила она и положила пакет на середину обитого кожей стола, не обремененного никакими рабочими документами.

– Вас это оскорбило? – поинтересовался доктор вместо ответа на вопрос.

– Вы знаете, да, меня оскорбляет проявление неуважения к пациентам. Это открытое пренебрежение к их усилиям и очень вредная практика.

Он задумчиво покачал головой:

– Но ведь терапевтический эффект дает процесс, а не лицемерие результата...

– Пациенты все равно должны иметь возможность видеть плоды своего труда и наслаждаться ими!

Движением руки доктор пригласил Хелен присесть, но она отказалась – стоя возмущаться гораздо легче.

– Положим, вы собираете пазл или строите карточный домик. Вы ведь получаете удовольствие не от того, что создаете нечто долговременное...

– Это разные вещи! – Хелен заметила, что говорит все громче. – Плетение ковров – ремесло, к тому же в результате получается утилитарная и вполне симпатичная вещь, которую можно, например, постелить в палате.

Доктор смотрел на нее, слегка прищурившись, будто пытался вникнуть в смысл ее слов. Тишина становилась все более тягостной – Хелен не выдержала и продолжила:

– Вы бы видели, с каким наслаждением они раздирали этот несчастный ковер! Ну и кто здесь в здравом уме, а кто сумасшедший, позвольте поинтересоваться!

– Что ж, очень здравая позиция, – заключил доктор Радден. – Впрочем, мы больше не употребляем слово “сумасшедший”, по крайней мере в отношении пациентов. – Казалось, что он чрезвычайно доволен собой. – Раз уж мне не удалось усадить вас, разрешите мне присесть? Спина разболелась.

– Да, пожалуйста.

Доктор уселся в кресло, не отрывая от нее взгляда.

– Вы совершенно правы, я с вами полностью согласен.

– И вообще, – снова начала Хелен, не успев осознать, что ее собеседник сдался, и торопясь выдвинуть еще один аргумент: – Хоть кто-нибудь потрудился узнать мнение пациентов?

– Вы все правильно говорите, – повторил он. – Что от меня требуется? Полагаю, шерсти недостаточно?

– Да, санитарки так и сказали. Думаю, они хотели как лучше, – признала Хелен и окончательно потеряла боевой настрой.

– Как всегда, все упирается в деньги, – сказал доктор, вздохнув. – Что-нибудь придумаем. Позвольте, я оставлю это у себя.

– Спасибо... доктор Радден.

– Пожалуйста, зовите меня Гил.

Хелен вышла из кабинета: в ушах стучало, сердце от радости победы билось быстрее. Их уже соединила незримая нить, которая всегда возникает, когда двое впервые замечают друг друга.

Всего неделю спустя Хелен приехала на парковку и увидела, как грузчик вытаскивает из зеленого фургона здоровенные картонные коробки и складывает их возле заднего входа. Она поставила скутер на обычное место и, подойдя к машине, заметила в приоткрытой коробке пузатые пакеты с шерстяной пряжей. Чарли, помощник сторожа, как раз подоспел с тележкой.

– Доставка для доктора Раддена, – пыхтя объявил водитель, вытаскивая из кузова последнюю коробку.

– Ну, и куда тащить все это добро? – поинтересовался Чарли. – Кабинет-то у него небольшой.

– Отнесите в трудотерапию, – сказала Хелен. – Я сообщу доктору.

По утрам он проносился мимо нее на “Форде-Зефире” – по словам ее отца, на таком гоняют одни спекулянты. Не считая этого, после разговора в его кабинете они не виделись. Хелен направилась туда, чтобы сказать ему спасибо. Проходя мимо палаты, она посмотрелась, как в зеркало, в металлический косяк двери и поправила прическу. На стук никто не ответил, поэтому Хелен, расстроившись, побрела в художественную мастерскую.

Он уже стоял там перед “Меланхолией” Дюрера, которую Хелен повесила у себя над столом. Репродукция этой гравюры сначала украшала ее комнату в общежитии колледжа, потом квартиру в Хартфордшире и, наконец, нашла свое место здесь.

Доктор обернулся, услышав, как открылась дверь.

– Тут стало так красиво, с тех пор как вы к нам устроились. – Он признал, что кабинет преобразился исключительно благодаря ей.

– Если нужно проводить целый день в каком-то месте, то лучше, когда там приятно находиться, – ответила Хелен и, прежде чем разговор свернет не в то русло, добавила: – Я хотела зайти к вам, поблагодарить за шерсть. Ее только что привезли. Целую гору! Вы так быстро все организовали.

– Бросьте, – сказал он, пожав плечами, – я тут ни при чем. У меня в частной практике есть парочка клиентов с филантропическими наклонностями. Мне стоило лишь упомянуть о нашей проблеме. Это я должен вас благодарить за то, что вы обратили на нее внимание. Иногда нужен свежий взгляд.

Их глаза на мгновение встретились, однако нерешительный стук в дверь, возвещавший о приходе первой группы пациентов, прервал их уединение.

– То есть психушка? – спросила мать, когда Хелен позвонила и рассказала о новой работе в Уэстбери-Парке. – Боже, Хелен...

Она и не ждала поздравлений: родители были не из тех, кто радуется чужим успехам. Кроме того, мать испытывала отвращение, переходящее в фобию, к любым видам нездоровья. “Не смотри на него, он странный!” – шипела она и тащила Хелен на другую сторону улицы, чтобы не столкнуться лицом к лицу с бормочущим себе под нос старичком или мальчиком с растягивающими скобами на ногах. Она перестала ходить в церковь, потому что женщина в инвалидной коляске, сидевшая позади нее, порой стонала и трясла головой, беззвучно бормоча молитву.

– Мам, так уже никто не говорит.

– Да называйте как хотите, от этого психов меньше не станет!

Даже в телефонную трубку было слышно, как ее трясет. Примерно так же она протестовала против поступления Хелен в художественный колледж, где, как ей казалось, собрались одни коммунисты, богема и прочие дегенераты. Мать немного смягчилась, когда Хелен, вроде бы оставшись после его окончания такой же приличной и неиспорченной девушкой, пошла преподавать в гимназию для девочек в Хартфордшире. Эта работа казалась ей приемлемым вариантом – временным, до замужества. Но психушка! Это уже ни в какие ворота!

– Тебе разве не нравилось в школе? Я думала, ты счастлива!

– Так и есть, но сейчас мне хочется попробовать себя в чем-то другом.

– В чем в другом? – Возиться с мужчинами в смиренных рубашках, которые думают, что они Наполеоны!

– Мам, это представления из прошлого века, – ответила Хелен, не сумев сдержать смех. – Люди болеют, мы стараемся их вылечить, как в любой другой больнице. Зато я перееду в Кройдон, поближе к тебе и Клайву. – Хелен говорила так, будто ей и правда не хотелось отдаляться от семьи, хотя дело обстояло с точностью до наоборот.

– Кройдон, говоришь? – протянула мать, напрягая память в попытке вспомнить разновидности ментальных расстройств, но ничего не приходило на ум. – Кажется, муж нашей Кэтлин работает в психушке где-то в тех краях. Интересно, ты туда же собралась?

– Кто это – “наша Кэтлин”? – спросила Хелен. У нее было множество родственников по материнской линии, разделенных расстояниями и имевших между собой мало общего. Она слышала раньше это имя, но оно ни о чем ей не говорило.

– Младшая дочь моей кухни Мэри. Да-да, по-моему, они живут недалеко от Клайва и Джун.

– Но вы же с ними не видите.

– Ну, она сильно моложе. Ближе к вам, чем к нам. И мы слегка повздорили с Мэри, когда отказались пригласить Кэтлин в подружки невесты.

– Но это же было лет сорок назад, – возразила Хелен. – Вряд ли они до сих пор в обиде.

– Да, конечно, с тех пор много воды утекло. Но мы все равно отправили им подарок – солонку и перечницу из “Селфриджиз”. Недешевый набор, между прочим! – Мать выдержала паузу и добавила: – А они даже спасибо не сказали.

Если бы Хелен и запомнила этот разговор, то только благодаря странной привычке матери лелеять обиды столетней давности, а вовсе не из-за того, что ее будущий коллега может оказаться мужем дочери маминой кухни. К тому дню, как она вышла на новую работу, этот факт совершенно вылетел у нее из головы. Когда однажды вечером некая Кэтлин Радден позвонила Хелен и пригласила ее на ужин, она далеко не сразу смогла сложить два и два.

Раддены жили в загородном особняке с фасадом в викторианском стиле, выходящем окнами на стадион школы-пансиона для мальчиков. Шел матч по крикету: шагая по дорожке к дому с коробкой желейных конфет в руках, Хелен отчетливо слышала стук биты по мячу и гул аплодисментов. После выписки пациенты часто дарили ей сладости – она хранила их как раз на такой случай. Ей было нелегко представить себе Гила в столь роскошной обстановке, особенно учитывая его очевидное презрение к светским условностям. Труднее было смириться с тем, что он женат, да еще и на дальней родственнице.

Хелен прекрасно понимала, что выглядит отлично, – тщеславие тут ни при чем. Об этом свидетельствовали зеркало и обилие внимания, желанного и не очень, какое она регулярно получала со стороны мужчин. Однако мало кто из них вызывал ее интерес. От потенциальных партнеров не было отбоя, но отношения всегда заканчивались, стоило мужчине заговорить о женитьбе – на нее накатывал приступ клаустрофобии и охватывало желание сбежать куда подальше. В день знакомства в кабинете Гила – совершенно точно, ей не показалось, – между ними пробежала искра. Но в дальнейшем оказалось, что он недоступен. Это было обидно – перестав питать на его счет романтические надежды, Хелен решила из чисто научного, антропологического интереса понаблюдать за ним в домашней среде обитания.

Звонок, и через мгновение в витражном стекле показался размытый силуэт стройной женщины лет сорока пяти со светлыми волосами и слегка припудренным розовым лицом.

– Привет, – сказала она, резко выставив ногу в приоткрытую дверь, чтобы предотвратить побег полосатой кошки. – Я Кэтлин, заходи. – В одной руке она держала пустой, если не считать обгрызенной лимонной дольки, стакан. – А мы уже пьем джин. – За спиной Хелен Кэтлин заметила скутер, припаркованный у бордюра. – Ого! Ты водишь мотоцикл? – восхитилась она.

– Если бы! На “веспе” особенно не погоняешь.

– Зато, наверное, юркая – самое то для города. Гораздо лучше нашего “зефира”: на этой машине невозможно нормально припарковаться – за капотом ничего не видно.

В прихожей Хелен протянула ей конфеты. Кэтлин рассыпалась в благодарностях – наверняка положит на дальнюю полку, где они будут пылиться, пока не представится случай их передать. На узком стеллаже вдоль стены выстроились фигурки и безделушки, расставленные без всякого порядка. Китайские драконы соседствовали с фарфоровыми куколками, сувенирными кружками и деревянными резными слониками. Острый, пряный запах мяса с луком внушал надежду, что ужин будет гораздо аппетитнее консервированной свинины с разваренными спагетти, которые перед уходом Хелен в гости готовила хозяйка квартиры миссис Гордон.

Гил сидел в кресле в гостиной, читал “Таймс” и вертел в руке стакан со льдом. В комнате играла музыка из “Весны священной” – сомнительный выбор для званого ужина. Он встал вежливо поприветствовать гостью, но при виде Хелен вздрогнул и бросил на жену растерянный взгляд, ожидая пояснений.

– Ах, Гил, ну не стой столбом! А то Хелен решит, что ты ей не рад. Это дочь маминой кухни Нэнси, работает в Парке. Я же тебе рассказывала.

Кэтлин подошла к проигрывателю и сняла иглу с пластинки; раздался скрежет, от которого Хелен и Гил поморщились. Наступила давящая тишина.

– Да-да, припоминаю, прошу прощения. Должно быть, я отключился на словах “мамина кухня”, – сказал он и снова посмотрел на Хелен. – Что ж, приятный сюрприз.

– Вы знакомы? – спросила Кэтлин, переводя взгляд то на мужа, то на гостью.

– Еще бы, Хелен ворвалась ко мне в кабинет в первую же неделю работы и выдала целую тираду про плетение ковров.

Хелен рассмеялась, услышав его версию событий, но спорить было бы странно.

– Зато это сработало! Щедрые клиенты не пожалели шерсти.

Поскольку в глазах Кэтлин не мелькнуло ни малейшей заинтересованности, Хелен решила не утомлять ее пересказом забавных подробностей того случая, пока Гил ходил на кухню за напитками.

– Да уж, у моего мужа отбоя нет от услужливых клиенток, – сказала Кэтлин, когда Гил вернулся с тремя стаканами джина.

Вязкая голубоватая жидкость не внушала доверия. Сделав глоток, Хелен почувствовала жжение в носу и резкую горечь спирта. Пока она отходила от этого неприятного ощущения, из коридора послышался шум. На пороге гостиной появились мальчик и девочка, оба в пижамах.

– Они хотели познакомиться, пока не ушли спать, – объяснила Кэтлин, жестом приглашая детей войти.

Девочка лет десяти, худенькая и бледная, замерла от смущения, а мальчик, на пару лет младше, сиял от радости и хитро улыбался. На грудном кармане его халата красовался полицейский значок, из-за пояса торчал серебристый длинноствольный пистолет.

– Это Сьюзен и Колин. Дети, поздоровайтесь, это Хелен, ваша троюродная тетушка или вроде того.

– Здравствуйте, – застенчиво пробормотали они.

– Привет, – сказала Хелен, сочувствуя их неловкости.

Ужасно, когда детей заставляют играть на публику. Она жалела, что не догадалась захватить им подарок – карандаши или краски. Да хоть что-нибудь, лишь бы у них остались добрые воспоминания о ней.

– Ух ты, Колин, да у тебя пистолет совсем как настоящий! – воскликнула Хелен: на игрушку явно стоило обратить внимание.

– Это “Бантлайн спецназ”, – ответил мальчик, густо покраснев. – Я выиграл его в конкурсе.

– Как здорово! А что нужно было сделать, чтобы победить?

– Нарисовать рисунок и отправить.

– Ничего себе! Ты, наверное, на всю жизнь запомнишь тот день, когда получил приз?

– Мы уж точно запомним! – вмешался Гил. – Он с тех пор постоянно устраивает нам засады и стреляет исподтишка.

– Ну, бегите, – сказала Кэтлин, указав подбородком на дверь. – Можете немного почитать, только чур не баловаться.

Дети поплелись прочь, расстроенные тем, что мама не разрешила поиграть во взрослые игры – или чем они тут собрались заниматься. “Рановато их отправили спать, – подумала Хелен, – учитывая, что солнце еще высоко и у мальчишек на поле матч по крикету в полном разгаре. Бедолаги вынуждены подчиняться приказам родителей – неудивительно, что им только и остается, что стрелять по ним из игрушечного пистолета”.

– Извините, наверное, они не лягут спать, пока дома есть посторонние, – сказала Хелен.

– Не переживай, они тебе только спасибо скажут.

– Наверняка будут весь вечер играть в “Монополию”, пока мы тут сидим, – согласился Гил. – Маленькие несносные капиталисты!

В столовой с видом на сад на отполированный дубовый стол поставили *лучшую*, как показалось Хелен, посуду в доме – от королевской мануфактуры “Роял Вустер”. Она также отметила для себя отсутствие пресловутых солонки и перечницы – видимо, павших жертвами износа, с годами приводящего к истощению запаса свадебных подарков. А вот в семье Хансфордов, например, солонка и перечница служили идеальными снарядами, которые отец Хелен за обедом порой швырял в стену в порыве гнева. Но трудно вообразить, что такое могло произойти в доме Радденов.

Гуляш – а именно от него исходил аппетитный аромат, который гостя уловила в прихожей, – выглядел на сервировочном блюде многообещающе, но на вкус оказался так себе. Кусочки мяса были плохо прожарены – с трудом резались и жевались. К ним прилагались картофельное пюре и консервированная стручковая фасоль – безвкусная, но вполне съедобная. Хелен упорно пыталась прожевать резиновую говядину, чтобы не обижать хозяйку вечера, – кусочек встал у нее поперек горла. Сквозь слезящиеся глаза она заметила, что Кэтлин и Гил без всяких комментариев отставили свои тарелки, и с некоторым облегчением последовала их примеру. Разговор неизбежно свелся всего к двум объединяющим темам: общие родственники и Уэстбери-Парк.

– Жалко, что твои родители не смогли приехать, – сетовала Кэтлин. – Я так обрадовалась, когда позвонила твоя мама, – такой сюрприз! Я, конечно же, их пригласила, но у меня сложилось впечатление, что они нечасто выбирают из дома.

Нетвердой рукой Кэтлин щедро подлила в бокал кларета. Хелен обратила внимание на то, что Гил тоже наполнил свой, но пить не стал. “Чтобы она притормозила” – подсказало ей внутреннее чутье.

– Это все из-за отца. Его можно уговорить навестить Клайва, моего брата, но лишь изредка. А так он практически не встает с дивана.

– Твоей матери, должно быть, очень тяжело. А одна она поехать не может?

– Не может или не хочет, кто ее знает.

– Что ж, все семьи счастливы по-своему, – заключила Кэтлин.

– Скорее они просто научились уживаться друг с другом. – Хелен никогда не обсуждала брак своих родителей. Никто не знал их достаточно хорошо, чтобы интересоваться этой темой, кроме Клайва, – а ему и так все было понятно, к тому же брат придерживался довольно странных представлений о свободе и верности. Его жена Джун с радостью подискутировала бы о недостатках своих свекров, но Хелен мало волновало ее мнение, так что спрашивать не было смысла.

На ее памяти родители были счастливы лишь во время войны, причем не как пара, а по отдельности. Отец при первой же возможности ушел добровольцем в инженерные войска – мать до сих пор не могла ему простить, что он так легко ее оставил. В армии он провел лучшие годы своей жизни, в окружении мужчин, занимаясь “настоящим делом”. Мама тоже была в некотором роде счастлива, отправив дочку к сестре в Нью-Форест: подальше от гитлеровских бомб и мужниного буйного нрава.

– Может, мне стоит как-нибудь к ним заглянуть, как думаешь? – спросила Кэтлин, унося со стола тарелки с недоеденной говядиной.

– Конечно! Мать будет рада тебя видеть, а отец спрячется в гараже – он терпеть не может бабское общество.

Гил захохотал – как показалось Хелен, вполне сочувственно.

– Ох, да он настоящий тиран, – заметила Кэтлин.

– Все нет, самый обыкновенный мужчина, – возразила Хелен на случай, если Кэтлин передумала приезжать к ним в гости. – Мне кажется, многим мужьям становится не по себе, если жена счастлива просто так – без их участия. – Говоря это, она специально не смотрела на Гила, чтобы не спровоцировать его на спор, но он все равно не сдержался.

– Ты слишком плохо о нас думаешь, – ответил он без тени возмущения. – Надеюсь, я смогу переубедить тебя своим примером.

– Да уж, постарайся, – сказала Кэт, направляясь с тарелками к двери. – А то ты в меньшинстве.

– Это точно! Я смотрю, вы уже договорились объединиться против меня.

– Поддержка жены и коллеги – ничто по сравнению с женской солидарностью, – ответила Хелен с улыбкой.

– Вот именно! – согласилась Кэт. – Минутку, я принесу десерт.

Гил обратился к Хелен:

– Слушай, а кто тебя собеседовал? Спрашиваю только потому, что обычно этим занимаюсь я, но явно не в твоём случае.

– Главврач и некий доктор Франт.

– А, Лайонел, – спокойно протянул Гил. – И как он тебе?

– Не знаю, меня больше волновало его мнение обо мне. Пожалуй, он держался довольно отстраненно, не слишком приветливо.

– Очень на него похоже.

– А вот главврач чудный, просто супер.

Доктор Марли Холт лично провел Хелен экскурсию по клинике и окрестностям, показал теплицы и огород, мастерскую и типографию, палаты и комнату отдыха, в которой паркет был испещрен царапинами от высоких каблуков. Где бы они ни появлялись, пациенты тут же поворачивались к нему, как подсолнухи к солнцу, чтобы оказаться в лучах его внимания. А доктор в свою очередь всякий раз останавливался и подбадривал каждого. Хелен чувствовала себя придворной дамой, сопровождающей монарха во время королевской прогулки.

– Доктор Холт хороший человек. Говорят, что в сороковых, когда он только приступил к работе в Парке, первым делом велел открыть большие железные ворота на въезде. С тех пор они ни разу не закрывались. Пока Марли у руля, все будет в порядке. Он положил конец многим ужасным практикам. Можно сказать, вытащил нас из средневековья.

Хелен прекрасно понимала, о чем говорит Гил. Она отчетливо помнила, как впервые оказалась в отделении инсулинокоматозной терапии. Пациенты лежали в темноте в состоянии искусственной комы, словно мертвецы. Сама процедура напоминала скорее пытку, нежели лечение, и все ее естество восставало против этого зрелища. По указанию врачей пациентов воскрешали, вводя им глюкозу через трубку для принудительного кормления. Хелен запомнила этот кошмар на всю жизнь.

– Отчасти поэтому я и хотела устроиться именно в Уэстбери-Парк. Я слышала о нем много хорошего, а когда впервые прогулялась по территории, Парк показался мне похожим скорее на университет, чем на больницу.

На лужайках сидели люди: читали или просто грелись на солнышке. Если не присматриваться, можно было бы подумать, что это студенты, – выдавал только возрастной разброс и неопрятный вид некоторых из них. Пациенты без присмотра копались на грядках или пропалывали клумбы. Из открытого окна доносились звуки фортепиано.

– Тебе дать сигарету? – спросил Гил, похлопывая себя по карманам и доставая мятую пачку “Плейерс”. – Только дома нельзя – у Сьюзен астма. Давай посидим в саду.

– Вообще я не курю, но ты не переживай: мой отец курит по три пачки в день, после такого мне уже ничего не страшно.

– Нет уж, если ты не будешь, то и я обойдусь.

Кэт принесла с кухни желе размером с кирпич, в котором вперемежку застыли ягоды клубники и малины.

– А вот и десерт! – объявила она.

– Ух ты! Выглядит аппетитно! – послушно откликнулся Гил.

Хелен всегда казалось, что желе – еда для детей, однако ягоды были вымочены в вишневом бренди, и от десерта исходил осязаемый запах алкоголя. Кэтлин разложила порции по формочкам, украсила взбитыми сливками и сверху вставила тонкую вафлю в форме веера.

– А как ты попала в эту профессию? – спросила Кэт. – Твоя мать говорила, что до этого ты работала учительницей.

– Сначала я действительно преподавала искусство в школе для девочек в Хартфордшире. Потом стала волонтером в психиатрической больнице, занималась с бывшими военными. Там была замечательная женщина, Пэм Хики, она как раз вела арт-терапию.

– О, так я ее знаю! – неожиданно оживленно воскликнул Гил. – Больница в Нэпсбери?

– Да! Пэм и посоветовала мне устроиться в Уэстбери-Парк, потому что здесь придерживаются тех же этических принципов. По ее словам, мне было бы комфортно с вами работать. Следующие три года я продолжала им помогать во время школьных каникул, и арт-терапия понравилась мне больше преподавания.

– Тогда ты наверняка знакома с Ронни Лэйнгом, – сказал Гил.

– Едва ли. У него совершенно другой уровень, я же была всего лишь волонтером. Вряд ли он обратил на меня внимание.

– Еще как обратил! – заверила ее Кэтлин.

– Можно сказать, я его поклонник, – объяснил Гил. – У него очень любопытные тезисы. Есть у него одна книжка, “Расколотое «Я»”, советуешь почитать. Довольно занимательно.

– Я читала, – ответила Хелен.

Гил посмотрел на нее так, будто она обыграла его на собственном поле.

– Что думаешь?

– По-моему, сложновато, – призналась она. – Причем и по языку, и по смыслу. Но тем не менее очень интересно.

– А я даже предисловия не осилила, – весело отозвалась Кэтлин.

– У него хватает оппонентов, – примирительно заметил Гил. – Лайонел Франт, например. Но я склонен согласиться с Хелен, мне тоже понравилось.

– Буду рада, если ты посоветуешь еще что-нибудь из хороших книг, – сказала Хелен, довольная разговором на близкую им обоим тему. С его стороны, признать в ней равную по интеллекту было самым надежным способом сделать ее своей союзницей.

– У меня в кабинете их много, поройся на полках и выбирай любую.

Они продолжили обсуждать общих знакомых, с которыми когда-то довелось поработать, как вдруг раздался скрип двери и на пороге появился Колин. Потирая глаза костяшками пальцев, мальчик сообщил, что ему приснился страшный сон.

– Ложись в постель, я скоро приду, – пообещала Кэт, а Хелен расценила это как сигнал к тому, что ей пора прощаться.

Вечер выдался отличный, к тому же было интересно понаблюдать за Гилом *в кругу семьи*, в уютной атмосфере загородной жизни с ее дорогим фарфором, мягкой мебелью и аляповатыми безделушками, и обнаружить, что не такой уж он и строгий. И все же Хелен показалось, что всю эту обстановку организовала Кэтлин, а Гил здесь совсем ни при чем – слишком он из нее выбивался.

Вряд ли ее снова пригласят. О том, чтобы звать кого-то в свою комнату у миссис Гордон, – завтрак, обед и ужин входят в стоимость аренды; никаких гостей после десяти вечера – и думать было нечего. При этом неизвестно, как поддерживать отношения без взаимности. Теперь, когда семейная обязанность выполнена, а любопытство удовлетворено, про Кэтлин можно забыть.

На следующий день, в субботу, Хелен написала открытку, в которой лаконично поблагодарила хозяев за вкусный ужин (не упомянув несъедобную говядину), интересную беседу и знакомство с замечательными детками. Правильнее всего было бы отправить ее по почте,

чтобы пришла в понедельник, но вместо этого Хелен положила открытку в сумку, решив собственноручно отдать Гилу, убеждая себя, что марка тоже стоит денег.

Идти на ухищрения, пускай и неосознанные, Хелен не пришлось, поскольку к ее приходу Гил уже ждал ее в художественной мастерской. Он сидел, закинув ногу на ногу, в плетеном кресле, составлявшем часть заготовленного натюрморта. При ее появлении Гил встать не стал.

– Привет, – поздоровалась она и протянула ему открытку. – Спасибо, что пригласили меня в гости в пятницу. Я чудесно провела время.

Гил фыркнул:

– Скучно было?

– Вовсе нет!

– Я не ожидал увидеть тебя, думал, будет кто-то из оравы неприятных родственников Кэт.

– В каком-то смысле ты не ошибся.

Он улыбнулся, взял из вазы с фруктами яблоко, собираясь его надкусить, и удивился, обнаружив, что оно восковое.

– Если бы я знал, что придешь ты, приложил бы больше усилий.

Ее щеки вспыхнули – комплимент, кажется, переходил все границы дозволенного. Чтобы скрыть смущение, Хелен повесила пиджак на деревянную вешалку, накинув вместо него свой привычный испачканный красками халат. Гил оставался спокоен и уходить не спешил.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, не без удовольствия отметив пренебрежение канонами буржуазной чопорности.

– Не знаю, например, пригласил бы для тебя более интересную компанию.

Хелен чувствовала, что он наблюдает за тем, как она застегивает пуговицы на халате и кладет в нагрудный карман ножницы с тупыми концами, ластик и любимый угольный карандаш – если не держать все эти вещи при себе, они в любой момент могут испариться. За те пару недель, что она отработала в Уэстбери-Парке, Хелен научилась при отсутствии прочих улик определять статус человека по содержанию его нагрудного кармана. У врачей – авторучка, у медсестер – градусник, а у пациентов – зубная щетка.

– Нет, правда, мне очень понравилось у вас, – заверила его Хелен, закончив подготовку к рабочему дню. – Так бы коротала вечер одна, а компанию мне бы составил разве что пудель миссис Гордон.

– “Пудель миссис Гордон” – как будто название песни Ноэла Кауарда! Ну-с, пора и мне приступать к работе, – сказал Гил, поднимаясь с кресла. – Очень уж мне у тебя нравится, так спокойно.

– Здесь никого не бывает с часу до двух, пока я в столовой. Приходи.

– Спасибо, но без тебя будет совсем не то.

Как только за Гилом закрылась дверь, Хелен медленно выдохнула. Она вдруг осознала, что стоит, вцепившись в спинку стула, сердце бешено колотится, как если бы кто-то вдруг выдернул ее из глубокого сна, – в душе мешались ощущение физического возбуждения и легкое предчувствие опасности. Ей никогда не приходилось испытывать таких чувств: ничего общего с ровной привязанностью, характерной для ее отношений с бывшим любовником и несостоявшимся женихом. Она пообещала себе впредь любой ценой избегать Гила, но подсудно знала, что не станет этого делать и с нетерпением предвкушала следующую встречу.

На следующей неделе после тяжелого рабочего дня и неприятного эпизода с одним пациентом Хелен вышла из кабинета позже обычного и внезапно обнаружила, что скутер не заводится. Поворот ключа в замке зажигания не вызвал даже легкую вибрацию. Что за невезение! Пока она жила в Хартфордшире, всегда обращалась в местную автомастерскую, где полностью обслуживали “веспе” и при необходимости могли пригнать пикап.

После недавнего переезда в Кройдон она еще не успела обзавестись полезными связями и не представляла себе, что делать. Именно в подобных ситуациях Хелен начинала особенно сильно переживать из-за отсутствия мужа. Это замечательно, конечно, когда есть любовник, но вот на такой, сугубо практический случай, когда требуется поработать гаечным ключом, мужчина необходим.

Она подумала позвонить Клайву, но тут же отбросила эту мысль. Шесть часов, Джун наверняка накрыла ужин, к тому же слово жены значит больше, чем просьба сестры. Придется ехать домой на автобусе, а утром вызвать механика, наугад, на свой страх и риск ткнув пальцем в строчку телефонного справочника.

От мерзкой измороси тщательно уложенные утром волосы спутались и разлохматились. Хелен решила вернуться в клинику и позаимствовать в шкафчике для забытых вещей зонт. На крыльце она столкнулась с Гилом, который, жмурясь от струйки дыма, пытался прикурить сигарету от окурка.

Должно быть, у нее все было написано на лице, потому что он отвлекся от своей сигареты и спросил:

– Все в порядке?

– Да. Нет. Дурацкий скутер заглох.

– Подвезти?

– Нет, спасибо, все нормально, честно. Доеду на автобусе, а утром буду разбираться.

Гил проигнорировал ответ Хелен, взял ее под локоть и направился к “Форду-Зефиру”, как обычно, припаркованному у входа.

– Я настаиваю. Где ты живешь?

– В Аддискомбе.

– Ну вот, мне почти по пути. А утром попросим Артура разобраться со скутером.

– Что за Артур?

– Мастер на все руки, он здесь все ремонтирует. И нет ничего, чего бы он не смог починить.

Хелен смутно припоминала, как седовласый мужчина в комбинезоне песочного цвета с помощью вантуза и крепкого словца прочищал в комнате для персонала раковину. Тогда он не показался ей особенно дружелюбным, и она задумалась о том, как он отреагирует на просьбу починить мотоцикл – дело, выходящее далеко за рамки его обязанностей.

– Но ведь чинить мой скутер – не его работа, – запротестовала Хелен, но Гил усадил ее в машину и кинул на заднее сиденье пару туфель и карту Лондона с окрестностями.

Салон был прокуренный и грязный, сзади валялась куча хлама: детские спортивные сумки, поломанные теннисные ракетки с лопнувшими струнами, мужские парадные туфли и пачка журналов, перевязанная бечевкой. Все это говорило о привычке откладывать неприятные дела, такие как уборка, на потом. Хелен предполагала, что он, как все мужчины, относится к машине с трепетом и любовью, но в очередной раз ошиблась на его счет.

– Ты права, он не обязан чинить твой скутер, но если его умаслить, то он будет рад помочь. Я время от времени дарю ему бутылку виски.

– Да у тебя к каждому сердцу есть ключик.

– Не к каждому, – ответил Гил, покосившись на нее.

Дождь полил сильнее. Он потушил сигарету в наполненной окурками пепельнице и закрыл окно. Они выехали с территории Парка и двинулись по тихим улочкам; по обеим сторонам дороги тянулись живые изгороди и фермерские поля. Всего в двадцати минутах от активно строящегося центра Кройдона – городок только зарождался – простиралась бесконечная сельская местность. Хелен доставляло особенное удовольствие наблюдать в поездках на работу и с работы, как постепенно редуют красные кирпичи и бетон, уступая место полям и деревьям.

Теперь, когда вопрос со сломанным скутером решился, ее мысли вернулись к другой проблеме, с которой только предстояло разобраться. Не сумев сдержаться, Хелен тяжело вздохнула.

– Что-то случилось? – спросил Гил.

– Тяжелый день, – призналась она. – На одном занятии произошла неприятная ситуация, с которой я справилась не лучшим образом. Вот и все.

– Расскажешь подробнее?

– Один из пациентов, Перри, – он не в первый раз пришел, но раньше все было в порядке, – сегодня вел себя немного... Несдержанно. Рисовал картинки подчеркнуто сексуализированного характера, наверное, чтобы меня шокировать, а затем принялся громко и довольно агрессивно рассказывать, что ему хотелось бы сделать. Сперва я старалась не обращать на него внимания, и он перешел на крик, а когда я попыталась с ним заговорить, его это только раззадорило. Я понимала, что никакой реальной опасности нет, но другому пациенту показалось, что Перри мне угрожает. Он решил вмешаться, замахнулся на него кулаком, и ситуация вышла из-под контроля. Мне пришлось позвать на помощь, прибежали четыре санитары, скрутили и увели Перри. Я видела такое раньше, в другой больнице, и такая мера всегда казалась мне чрезмерной, слишком жестокой.

– Понимаю.

– Он кричал: “Я сам пойду, я сам пойду!” – но его трясло, и они едва могли его удержать. Чуть позже я зашла к нему в палату, чтобы проверить его состояние, – ему дали успокоительное, и он уснул. Мне кажется, это полный провал.

– Иногда мы вынуждены ставить на первое место безопасность других пациентов – и свою собственную.

– С тобой такое случалось?

– Конечно! И я тоже всегда воспринимал такие ситуации как свою ошибку. Но с годами я стал гораздо более терпим к применению спецсредств с целью обезопасить окружающих от буйного пациента, да и его самого от себя – в отличие от практики ежедневного приема лекарств.

– Думаешь, лекарства не работают?

– Смотря что ты имеешь в виду под словом “работают”. В лучшем случае они временно смягчают некоторые симптомы, но при этом провоцируют появление других. Мой скептицизм идет гораздо дальше. Я думаю, нам следует в принципе задуматься о тех, кого мы называем “больными”, а кого “здоровыми”.

– Неужели ты, психиатр, не веришь в существование психических заболеваний?

– Я уверен, что не все состояния, упомянутые в “Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам”, являются таковыми. Например, гомосексуальность. Большинство так называемых психических расстройств – это просто поведение, не одобряемое обществом.

Лобовое стекло начало запотевать. Гил поспешно наклонился вперед и протер его рукавом пальто, оставив на стекле крошечные ворсинки.

– Согласна. В Нэпсбери мы могли часами рассуждать об этом, но как эти теории помогут конкретному пациенту, который страдает? Как же их тогда лечить?

– Прежде всего, необходимо их согласие. Все остальное – злоупотребление. Кроме того, нужно быть сдержаннее, когда речь идет о навешивании ярлыков. “У пациента симптомы А, Б и В”. *Ага! Тогда он, должно быть, шизофреник!* “А что такое шизофрения?” *Это состояние, характеризующееся симптомами А, Б и В.* Это ни о чем не говорит.

– Кажется, у тебя серьезные претензии к собственной профессии.

– Иногда мы все делаем правильно. Пациенты поступают к нам в неудовлетворительном состоянии. Стоит отметить, что далеко не всегда по своей инициативе, гораздо чаще – когда

становятся бременем для своей семьи. Мы лечим их, лечим, а через пару недель или месяцев они научаются соответствовать “норме”, и тогда мы отпускаем их домой.

– И в чем же проблема?

– Я не утверждаю, что мы все делаем неправильно, вовсе нет. Когда я только получил степень, женщины из палат длительного пребывания сидели там целыми днями и ничего не делали, и так продолжалось десятилетиями. Разумеется, между ними и персоналом постоянно возникали конфликты. Сейчас для них открыты комнаты отдыха, где можно вязать, листать журналы и слушать музыку. Им разрешили прихорашиваться и даже печь пироги. Эти инициативы быстро начали приносить свои плоды. Очень скоро противостояние между “ними” и “нами” практически исчезло. – Стоило Гилу заговорить о том, что он считал для себя важным, из его тона исчезла вежливая сдержанность, а в голосе зазвучала страсть, как у истинно верующего. – Но ведь это крохи, почти ничего! Чего бы мне искренне хотелось, так это того, чтобы мы жили все вместе, как сообщество равных, без деления на пациентов и докторов; чтобы не стало сумасшедших и адекватных, больных и здоровых, нормальных и ненормальных. И тогда эти старые, никому не нужные ярлыки окончательно придут в негодность.

Слушая Гила, Хелен снова почувствовала себя студенткой на лекции харизматичного профессора, который своим широким и незамутненным взглядом на действительность открывает новые горизонты возможностей. Как тут было не проникнуться его утопическими мечтами?

– Значит, в конечном счете все сводится к отношениям между врачом и пациентом? – спросила она.

Гил немного помолчал, а потом, вместо того чтобы ответить на ее вопрос, сказал:

– Знаешь, мне очень нравится с тобой общаться.

Хелен показалось, что он везет ее незнакомым маршрутом: по узким улочкам с редкими пешеходными переходами, с разбитым дорожным покрытием, испещренным ямами и выбоинами. Они проехали мимо приюта для животных и чуть дальше – мимо покосившегося деревянного домика, возле которого сидела старушка с вишней и пучками ревеня на продажу.

– Бедная женщина, тут же ни одного покупателя, – сочувственно проговорила Хелен. – Надо было остановиться и купить у нее что-нибудь для миссис Гордон.

– Ах, ревеневый пирог миссис Гордон! Аж слюнки текут!

– Вот и зря. Она отвратительно готовит.

Описывая спагетти с консервированной свиной и прочие гастрономические ужасы, Хелен испугалась, что нечаянно вызвала призрак гуляша Кэтлин, и попыталась закрыть тему еды, но Гил только рассмеялся.

– Я заеду за тобой утром. В восемь пятнадцать будет удобно? В девять у меня обход, а после – попрошу Артура покопаться с твоим скутером.

– Не нужно за мной заезжать, – запротестовала Хелен. – Я спокойно доеду на четыреста третьем.

Гил цыкнул языком от нетерпения:

– Хелен, мне не сложно. Двадцатиминутная поездка в твоей компании почти наверняка станет самым приятным событием за день.

От комплимента ее охватил жар. Позже она решит, что именно в тот момент нужно было остановиться, без особой неловкости отказаться от его предложения и больше не возвращаться к этому разговору. Но она промолчала. На мгновение воцарилась пропитанная электрическими разрядами тишина, но вдруг машина, въехав в одну из заполненных водой ям, с металлическим лязгом дернулась, и они оба подскочили.

– Боже, хоть бы шина уцелела, – взмолился Гил, остановившись у закрытых ворот лошадиного манежа.

Он вышел осмотреть повреждения; застывшая в ожидании Хелен осталась сидеть в машине.

– Кажется, все в порядке, слава богу, – сказал Гил, снова сев на водительское сиденье, но не торопясь включать зажигание.

– Это радует.

Скошенная трава, вспаханные поля, невысокие живые изгороди и деревья вдалеке, казалось, были усыпаны множеством дождевых капель. Лобовое стекло снова запотело, и рукав шерстяного пальто на пару секунд закрыл от глаз пейзаж. Они сидели неподвижно и молча слушали шум дождя. Беззвучное общение длилось неестественно долго. Что-то должно было произойти. Хелен чувствовала, что она не в силах двинуться с места и облечь мысли в слова, которые позволили бы без смущения выйти из опасной близости. В любом случае время было упущено, а ее молчание – слишком красноречиво.

Наконец он заговорил.

– Хелен, ты знаешь, что мне хочется сказать.

– Кажется, знаю, но ты все равно скажи.

Момент признания – высшая точка любых отношений, и наступает лишь раз.

Гил наклонился к ней и шепнул на ухо. Обхватил ее лицо руками, повернул к себе, и они долго смотрели друг другу в глаза, прежде чем их губы соприкоснулись.

Через три недели он снял Хелен меблированную квартиру в Южном Кройдоне и выплатил миссис Гордон арендную плату за месяц. Его семейное гнездышко, очевидно, не подходило для встреч, а миссис Гордон придерживалась старомодных взглядов относительно посетителей мужского пола.

Новая квартира располагалась на последнем этаже большого дома, построенного в стиле эдвардианского неоклассицизма, и состояла из спальни, гостиной, маленькой кухни и узкой вытянутой ванной. Пол скрипел под ногами, над головой – скошенный потолок. В крошечный камин в спальне не помещалось больше пары поленьев, что наводило на мысль о том, что когда-то эта комната отводилась прислуге. Тем не менее арендная плата была вдвое выше, чем Хелен привыкла и могла себе позволить.

Гил настоял на том, чтобы компенсировать разницу. Он устроил все с такой поразительной скоростью и с таким знанием дела, что, похоже, у него уже был аналогичный опыт. Когда Хелен спросила об этом напрямую, он все отрицал, но без особой твердости. Любопытно, что ее не столько беспокоила нарушенная Гилом клятва верности, сколько тот факт, что она перетягивает на себя средства, по праву принадлежащие жене и детям. И все же чувство вины мешало ей недостаточно сильно, чтобы положить конец их роману.

Декор квартиры представлял собой безвкусное сочетание старины и современности: на кухне дешевая плитка и гарнитур из ПВХ под дерево; в спальне каркасная кровать от местной мебельной фабрики; на лестничной площадке стоял громоздкий платяной шкаф в стиле ар-деко; в гостиной вычурный сервант из викторианской эпохи соседствовал с фанерным журнальным столиком из сетевого магазина. Хелен потребовались вся ее изобретательность и творческое чутье, чтобы замаскировать это чудовищное столкновение стилей с помощью тканей, картин и ковров. К счастью, у нее был настоящий талант превращать уродство в красоту.

Гил с самого начала обозначил принципы, на которых будут строиться их отношения, подчеркнув, что они прочны, нерушимы и вечны.

Хелен – любовь всей его жизни, хранительница его сердца, единственная и неповторимая.

Гил ни за что не оставит Кэтлин, пока оба ребенка не окончат школу и не поступят в колледж или не найдут работу.

Поскольку младшему было всего семь, этот день был так далек, что давать подобное обещание не имело ни малейшего смысла. Он ничего не имел против развода как такового; иногда его можно рассматривать как возможность исправить ошибку, но, когда в игру вступают дети, разговор об ошибках необходимо отложить.

Хелен, естественно, понимала, что он согласен только на то, что может ей предложить, – не больше. Иногда, в тоскливые ночные часы, проснувшись от скрипов и стуков уснувшего дома, она представляла себе, как два столпа сформулированных им принципов, – гигантские, песочного цвета – вздымаются на фоне прохладного голубого неба. Образ внушал тревогу: что это за строение, способное держаться всего на двух столбах? В самом начале, когда взаимное влечение позволяло задавать любые вопросы, Хелен спросила Гила, почему он женился на Кэтлин. Они вышли с работы по отдельности и встретились на стоянке у паба в нескольких милях от дома, и Гил повел ее тропинками через поля к идеальному месту, полностью скрытому от посторонних глаз, где они могли заняться любовью под открытым небом. Раз ему удалось найти превосходное место, где никому не придет в голову за ними подсматривать, значит, сама Вселенная на их стороне.

– Это было под самый конец войны, – говорил он, накручивая на палец локон ее волос. – Она была в Женской королевской военно-морской службе Канады. Мы познакомились в Неаполе, где я служил. Тогда я встречался с ее подругой Белиндой. Не знаю, что с ней случилось. Позже, когда война уже закончилась, я вернулся в Лондон и случайно встретил Кэт на Шафтсбери-авеню. Мы зашли в ближайшее заведение, выпили и начали встречаться. Через месяц она забеременела, и нам пришлось быстро пожениться. От альтернативы она отказалась, что неудивительно. А потом, во время медового месяца, – на этих словах его голос зазвенел, как металл, – случился выкидыш.

Они оба молчали, лишь ветер шелестел в верхушках деревьев, да насекомые стрекотали в высокой сухой траве на краю поля.

2

Хелен надеялась поговорить с Клайвом, но в это субботнее утро после долгих гудков ответила Джун.

– Извини, я тут торт пеку – руки в муке, – предупредила она и с грохотом уронила трубку.

Хелен нервно слотнула слюну. Ей не суждено попробовать этот торт.

– Привет, Джун, – начала Хелен, стараясь добавить голосу болезненной хрипоты, хотя нотка сожаления звучала совершенно искренне. – Мне очень жаль, но я не смогу сегодня приехать. Кажется, у меня ротавирусная инфекция, чувствую себя паршиво.

– Ох, как обидно, Лорейн сильно расстроится.

Хелен и не ждала сочувствия.

– Знаю, я и сама с нетерпением ждала этого дня.

– Может, к вечеру полегчает? – спросила Джун.

– Нет, – отрезала Хелен. – Знаешь, в любом случае я бы не хотела, чтобы об этом узнали остальные.

– Хелен, ну как же ты так умудрилась? Ладно, заезжай вечерком на неделе, хоть чаю попьем. Мы тебе отложим кусочек торта.

– Давай так и сделаем, когда встану на ноги. Передай привет Лорейн. И Клайву.

Хелен положила трубку и почувствовала одновременно облегчение и отвращение к самой себе, надеясь, что разговор никто не подслушал. Телефон, общий для всех трех квартир, стоял на тумбе у входной двери. Жильцы записывали номер и продолжительность звонка в блокнот, а домовладелец вычислял долю каждого в счете и ежеквартально принимал оплату наличными.

Спектакль вышел настолько убедительным, что Хелен потребовалось пару минут, прежде чем она вспомнила, что на самом деле вовсе не больна, и смогла, не покачиваясь, пройти два лестничных пролета, чтобы подготовиться к приходу Гила.

Накануне вечером она приготовила говядину по-бургундски по рецепту из поваренной книги Элизабет Дэвид. Теперь мясо в стеклянном противне марки “Пирекс” настаивалось в холодильнике. В качестве гарнира планировался картофельный гратен с тушеным сельдереем. Гил, как выяснилось, не был большим поклонником сладкого, поэтому заморачиваться с десертом не имело смысла. Тем не менее повод располагал проявить некоторое старание, и Хелен решила сделать шоколадный мусс – та еще заморочка, особенно когда для взбивания яичных белков у тебя только венчик.

К обеду она сменила постельное белье, отнесла простыни в прачечную на Брайтон-Роуд, дважды приготовила мусс (в первый раз шоколад загустел, пришлось снова ехать за ингредиентами), прибралась в квартире, приняла ванну, сделала маникюр и педикюр. В крошечной морозилке в верхней части холодильника стоял полный лоток льда, в вазе для фруктов лежали лимоны для джин-тоника. Гил принесет приличное вино, а от говядины по-бургундски осталось полбутылки красного.

После обеда они неизбежно до вечера проваляются в постели, а там можно и выбраться на прогулку по Ширли-Хиллз или Ллойд-парку. После ужина Гил мог бы почитать вслух. У него был глубокий завораживающий голос, как у Ричарда Бертона, который делал любой текст, даже Шелли, многозначительным, но вместе с тем простым для восприятия.

Накануне он попытался заразить ее любовью к современной поэзии и, похоже, добился своего: Хелен понравился сборник Филипа Ларкина “Свадьбы на Троицын день”. Ему удалось поменять ее мнение относительно Ларкина, но в глубине души ее фаворитом оставался Джон Бетчман, которого Гил считал “высокомерным болваном”. Были у него и другие, не менее твердые, убеждения: Энди Уорхол – аферист, Вирджиния Вулф – “за некоторыми исключениями нечитабельна”, Дэвид Герберт Лоуренс – гений, Грэм Грин – “графоман, а не писатель”,

телевидение – дрянь, опиум для народа. Он в целом был не против кино, но никогда туда не ходил. Как-то раз, в 1957-м, Кэтлин потащила его на “Тэмми и холостяка”, и ему хватило.

Оперу они предпочитали поп-музыке, и Гил купил Хелен несколько грампластинок, в том числе арии Нормы в исполнении Марии Каллас и “Кавалера розы” с Элизабет Шварцкопф, которые с легкостью могли довести их до слез. Если плакать не хотелось, можно было скрепя сердце еще разок дать шанс современному джазу, ведь в нем что-то есть.

Они старались идти в ногу со временем, избегали ностальгии и тех, кто сопротивляется переменам, поэтому искренне попытались понять шумиху вокруг “Битлз”. Гил считал, что без этого он, как психиатр, не сможет найти подход к молодежи. Их мнения по поводу этой веселой и непритязательной четверки полностью совпадали. Гил восхищался остроумием и бунтарским духом Джона Леннона, а Хелен считала Пола Маккартни харизматичным. Тем не менее, внимательно прослушав все песни альбома “Please Please Me”, как антропологи, изучающие обряды доселе неизвестного племени, оба пришли к выводу, что эта музыка банальна и топорна.

– Может, на концертах они звучат лучше? – предположила Хелен.

– Мы просто слишком старые, – заключил Гил.

Хелен нравилось несколько популярных песен, которые крутили по радио, вроде тех, что исполняли Джим Ривз и Китти Каллен, пока Гил не сказал, что это какая-то сентиментальная чушь. Теперь его слова каждый раз всплывали в голове и портили ей все впечатление. Лучше бы он оставил ее в покое и не мешал наслаждаться безобидными радостями жизни.

Покончив с делами, Хелен надела желтое платье-футляр, которое, как ей было известно, нравилось Гилу, и замшевые туфли кремового цвета, купленные им в самом начале отношений. Он незаметно узнал размер – она по-настоящему удивилась подарку, по ее мнению гораздо более интимному и романтичному, чем драгоценности.

Наступило время обеда, а вместе с ним и назначенный час прихода Гила. Хелен была не голодна: готовка всегда отбивала у нее аппетит, к тому же ее подташнивало от привычного предвкушения того момента, когда они останутся наедине. Услышав лязг металлической калитки, она вскочила с места и подбежала к мансардному окну, но это оказался всего лишь мистер Рафферти с первого этажа, который вышел на прогулку со своей собакой породы уиппет.

Хелен взяла библиотечную книгу – роман Линн Рид Бэнкс “Угловая комната” – однако трудное положение главной героини, одинокой и всеми покинутой, совершенно не помогало отвлечься. Она решила включить альбом Майлза Дэвиса “A Kind of Blue”, рассудив, что если будет слушать внимательно и с должным почтением, ей это воздастся скорым появлением Гила.